

Молитва с мормонами

На Мальте Елена осталась россиянкой, а в Магнитке делится мальтийским опытом

ТАЛАНТЛИВАЯ учительница без педагогического образования, «технар» по диплому с завидными лингвистическими навыками, светский человек с верой в душе, но без принадлежности к определенной конфессии, провинциалка, надолго оторвавшаяся от родины вместе с семьей и без колебаний вернувшаяся, когда выполнила «программу» пребывания за рубежом, не сколотившая капитал, но скопившая интеллектуальный, душевный и житейский багаж. Все это — о Елене Ковшениной, человеке, не переносящем однообразия и рутины.

Что Лена с мужем Юрием не из плывущих по течению, можно было догадаться, еще когда молодожены — заочники московского института легкой промышленности из глубинки — добились в советском министерстве распределения в богатый промышленностью Горький. Их уличное знакомство с мормонами, проповедовавшими в городе в перестроечные годы, и обращение через них к религии — тоже не случайность: случай находит того, кто его ждет. С тех пор Ковшенины считают себя верующими. С оговоркой: ни к какой конфессии не принадлежат. Молились и с мормонами, и с католиками, и с православными, а чаще просто в сердце и за обряды не держатся. Просто у них появилась прочная опора и изменилось отношение к людям. Например, стало проще отскакивать обиду: задает тот, кто с собой не в ладу. Детей поднимать с богом в душе тоже неизмеримо легче. И только делиться сокровенным о вере с посторонними почти невозможно: одних раздражает обращение к богу, других — отказ от каноничности. Так что свои отношения с господом Ковшенины устанавливают в частном порядке.

Вера к ним пришла очень своевременно: в стране — предчувствие гражданской войны, а в семье, где мама в декретном с мальчишками-погодками, — только один работающий. Да и то на свой страх и риск — Юрий открыл частное предприятие по пошиву обуви. Жили с ощущением безвременья — существовать не просто страшно: купишь видик и вздрагиваешь от стука в дверь, ждешь рэкетиров. Хуже того — стало неинтересно: свобода слова поманила к лучшему, а предъявила мерзость и запустение.

— Сидим в подвале-мастерской, — вспоминает Елена Леонидовна, — помогаю мужу делать заготовки для обуви и рассуждаю: перескочить бы в маленькую зеленую страну. Диссидентами никогда не были, но мысль об эмиграции запада: на родине мы не видели для себя возможностей развития.

А тут еще хороший знакомый — с редким по тем временам опытом загранпоездки по всему миру — советовал эмигрировать. И сам, по его словам, давно бы за рубеж перебрался, да жена замысел не поддерживала.

Ковшенины даже к Аргентине «присматривались», наняли репетитора испанского. Таких неопытных только ленивый не обманет, но им повезло: просто по незнанию проскочили все ловушки без потерь. Набредли на объявление о продаже недвижимости за рубежом — посредник сам был не однажды обманут, но как человек порядочный, клиентов от афер ограждал. И пусть недвижимость на Мальте, где он торговал, Ковшенины оказались не по карману, им, как новичкам, повезло. Случайно их фамилию не вычеркнули из нотариальных списков потенциальных покупателей — и продление годовой туристической визы было обеспечено. Год форы обернулся возможностью прожить на Мальте девять лет.

Им с Леной здорово везло на отзывчивых людей, готовых за них поручиться. Перебрав все случайные заработки, с которых начинали эмигранты: подсобные, кухонные, строительные, уборщицкие, они нашли постоянные рабочие места. Юрию в течение многих лет продлевали лицензию на работу на обувной фабрике, хотя специалисты его профиля были среди мальтийцев — за него просил главный менеджер. Лена некоторое время трудилась полуплегально: несмотря на то, что отель, куда ее пригласили администратором, специализировался на российской клиентуре и нуждался в специалисте со знанием английского и русского, лицензию получить удалось не сразу. Лицензировалась, уже работая в турфирме. Елене с ее хорошим иностранным и знанием Мальты доверяли работать гидом, принимать группы немцев, французов, шотландцев и ирландцев с их далеким от классического английским.

Тогда же у Елены Леонидовны появились первые ученики — дети русских эмигрантов.

— Мы не собирались искать Россию в чужой стране, — признается она. — Наоборот, стремились ассимилироваться в культуру страны.

У них это получалось: участвовали в праздниках, принимали приглашения на свадьбы, искренне сдружились с мальтийской семьей — владельцами арендованного русскими жилья. И все же Мальта устраивала им новые и новые знакомства с соотечественниками. То столкнет с прохожим, при беглом знакомстве с которым выяснится: он окончил тот же институт,

Она прошла путь от чтения дешевых романов на английском до международного сертификата на знание языка

что и Юрий, — ну как семьям не сойтись ближе? То на улице услышат обрывок телефонного разговора русской беременной женщины, жалующейся на невзгоды, — зовут и ее к огоньку. Если с этими людьми комфортно — зачем отказываться от связи с Россией, рептили Ковшенины, и сознательно стали частью русской диаспоры. Даже оказались в центре большой компании: у Ковшениных была самая просторная столовая — что еще требуется русскому для душевного разговора?

Но поблажек в изучении мальтийской культуры они себе не давали. Устраивали даже дни английского — неважно, что знаний поначалу не хватало. Юрий обучался языку в разговор и на слух, дети пошли в школу, зная лишь несколько английских фраз, Лена читала и вела словарь. Поначалу ошиблась: взялась за мудреный роман Сомерсета Моэма — без прогресса. Упростила задачу: купила на блошином рынке дешевые женские романчики в мягкой обложке, читала вслух, усложняла качество чтения, перебрала полки местной библиотеки — в общем, пришла к классической технике изучения языка. Международный сертификат на знание английского — недурной итог чтения романов?

— Хочешь познать предмет — полюби его, — подытоживает Елена Леонидовна. — Полюбишь — найдешь путь познать.

За годы пребывания на Мальте она присмотрелась и к мальтийской системе обучения разноязычных и разновозрастных учеников иностранному.

Мальчишки в общении со сверстниками и учителями освоили за полгода английский и язык неевропейской группы — мальтийский. Им адаптация далась без труда — может, оттого, что за дошкольную жизнь они с родителями дважды меняли жилье, привыкли к изменениям обстоятельств. А может, сказались щадящая система обучения: на Мальте малыши идут в школу с пяти лет, зато меньше нагружены уроками. Лишь однажды маму пригласили в школу для разговора: учителя считали тревожным, что один из сыновей, уже понимая язык, избегал общения с учителями. Обучение — обоюдный процесс, и боязнь показаться смешным оба поколения Ковшениных преодолели. Среди школьных наград сыновей — грамота «Лучшему иностранцу, говорящему по-мальтийски», книга за подписью министра иностранных дел. Мальта — крохотная страна с населением меньше магнитогорского, там министрам есть дело до каждого, даже если он ребенок.

Ковшенины не давали себе раздыху — каждый в семье занимался на дистанционных курсах, кто компьютерной грамотой, кто дизайном, кто программированием. Каким образом при обширном интернет-общении семьи Елену нашло приглашение на семинар американского бизнес-клуба, осталось загадкой. Но семья не видела причин не отозваться, пусть даже потратившись. Когда Елена Ковшенина, иностранка на Мальте, обратилась за американской визой в консульство США, там округлили глаза: «Шансы на визу нулевые, а вы уже билет приобрели?»

Новичкам везет: визу она опять получила. Правда, в международном аэропорту Амстердама ее пытались притормозить: несерьезное у нее приглашение — совсем неизвестный бизнес-клуб, слишком громкое место сбора — Лас-Вегас. Вообще, кто обращает внимание на спам — интернет-мусор? А может, дама надеется остаться в Штатах? Тут-то английский и выручил: вот справки, что у меня семья на Мальте, вот копии дипломов — неужели, если обманут, человек с интеллектом не найдет что посмотреть в чужой стране? Так и побывала Лена в Лас-Вегасе, приобрела знакомых и друзей — членов бизнес-клуба. Семинар тоже стал полезным уроком: мальтий бизнес оказался способом жить для очень молодых и очень старых людей, даже для людей в инвалидных колясках — не хотели они существовать, как растения.

...Лена показывает мальтийские фотографии. Каменистый пляж — там других не бывает. Зима: желтые цветы на зеленом поле и легкие тучки — летом там вовсе безоблачно. Средиземное море — оно вправду такое же синее, как на снимке. Первый пойманный мальчишкой осьминог. Мальчишки на кикбоксинге — бронза за победу, черные пояса. Мартовская цветущая мимоза. А это сыновья на празднике национальных культур поют и читают стихи в русских рубахах. Рубахи мама сшила — она еще и профессиональная швея. Елена Леонидовна ставит в плюс мальтийцам: не нагружают детей заучиванием огромных праздничных стихотворений. Четверостишие на благородном портфолио — и достаточно. Оставим специалистам споры о целесообразности заучивания текста с забыванием назавтра, но пожизненным обогащением словаря и запаса речевых конструкций. А по поводу праздника — ремарка: часты ли такие в наших многонациональных школах?

Девять лет Ковшенины продлева-

ли визу и лицензию на право работы. Российские страхи давно забылись: входная дверь на легкой задвижке, от приглашения незнакомых людей подвезти на попутке не отказывались. Но долгий срок пребывания в чужой стране — еще не гражданство и даже не шанс его получить. Новая Зеландия, куда Ковшенины пытались эмигрировать, в гражданстве тоже отказала. Между тем сыновьям пора было приобретать профессиональное образование. Будь они мальтийцы, можно было рассчитывать на бесплатное высшее, но они остались россиянами. У Ковшениных-старших также наметилась планка: при их статусе иностранцев расти некуда. Пора было восвояси.

У них не было чувства проигрыша: они выбрали лучшее из возможного. Обсуждали, где обосноваться: Москву знали, но она родной не стала, Нижний — освоенная территория, Ленинск-Кузнецкий — родина Лены — скромный городок. Остановились на Магнитке — родине Юрия.

До этого Лена видела уральский город не в лучшие времена — зимой в начале девяностых. Сегодняшняя Магнитка ее не разочаровала. Обосноваться заново было нелегко, но главная задача — устроить сыновей — выполнена: старший, Геннадий, учится на преподавателя иностранного, младший, Костя, — на программиста. А три года назад при возвращении мальчишкам пришлось начать с нуля: русский полубыт, а без него какая учеба? Лена использовала все репетиторские навыки, чтобы сыновья вспомнили родной язык.

— «И пошли они, солнцем палимы», — даже такую фразу приходилось объяснять, вспоминает Елена Леонидовна. — О «котомке», «парадном подъезде» и говорить нечего. В русском даже «жи-ши» пришлось изучать заново. Расставляла ударения в каждом слове. Но они справились, к тому же у них еще в школе появилось много друзей — я надеюсь, не из-за Мальты: просто они интересны. А они, кстати, считают магнитогорских сверстников очень остроумными. И любимый поэт у них теперь — Маяковский: рубленый слог, короткие фразы.

...Мало-помалу все снова сложилось бы, если б не несчастье: год назад Юрий скончался. Упал на улице: остановилось сердце. Сказались многолетнее напряжение, неопределенность магнитогорских лет. С интересной работой не получалось, а для самостоятельного бизнеса не хватало первоначального капитала: мальтийских заработков хватало на оплату жилья, школы, еды, одежды и — собственного развития.

Лена сумела прирасти к незнакомому городу. Начала с должности администратора в парикмахерской — неудачно, не хватало твердости. Репетиторство в частной школе — другое дело. За годы индивидуальной работы с учениками Елена Леонидовна привыкла видеть в подопечных не массу — отдельного ребенка. Сказались все навыки, даже дизайнерская и рисовальная школы. Ребенок заворачивает процесс рисования, а фигурка человека или зверька, даже просто линейное изображение времени, возникающие на его глазах, позволяют запомнить систему предлогов, местоимений, времен. Пока репетитору интересно придумывать для ученика новые приемы — он на своем месте. В этом сезоне Елена Леонидовна открыла для себя новую работу — обучение английскому в летнем лагере: жизнь там небудная, но занятая. Сыновья тоже становятся самостоятельными: уже подрабатывают.

Жилка такая у Ковшениных — пока можно осваивать непройденные территории, им жить любопытно.

Алла КАНЬШИНА.